

чтобы дать понять, что ее благодатное явление убеждало и убеждает меня в том, что она на небе. Я, часто думая о том, что это узрение стало для меня возможным, ходил как бы вознесенный в небеса.

Далее я показываю действие этой мысли, чтобы дать представление, сколь сладостна она была, ибо сила ее заставляла меня мечтать о смерти и стремиться туда, где обреталась дама. Об этом я говорю в следующих словах:

«Звучала сладостно о ней хвала.
«К ней устремлюсь», – промолвила душа».

Такова причина одного из разногласий, бывшего во мне. И надо заметить, что здесь о возносившемся для лицезрения блаженной говорится «мысль», а не «душа», ибо это была мысль, особо направленная, соответствующая действию. «Душа», как говорилось в предыдущей главе, обозначает мысль вообще в сочетании с согласием.

Далее, когда я говорю:

«Но некий дух летел ко мне, спеша,
И эту мысль изгнал...» –

я вскрываю причину другого разногласия, ибо, подобно тому как эта возвышенная мысль стала самой моей жизнью, так же точно появляется и другая мысль, прекращающая первую. И я говорю «изгнал», желая показать, что это – противоположность, ибо одна противоположность естественно бежит от другой и та, что бежит, свидетельствует о том, что она удаляется из-за своей недостаточной силы. Я утверждаю, что эта вновь появившаяся мысль достаточно сильна, чтобы захватить меня и покорить всю душу, и настолько властна, что сердце мое, все мое внутреннее трепещет, а мое внешнее обнаруживает это в новом, изменившемся моем обличье.

Вслед за этим я показываю силу этой новой мысли через ее действие, говоря, что она заставляет меня любоваться некой дамой и произносит соблазнительные слова, то есть рассуждает перед очами моей умственной страсти, чтобы легче меня склонить, обещая мне, что в ее взоре – спасительное свойство. И чтобы умудренная душа легче могла поверить, новая мысль говорит, что человек, «боящийся вздохов и трудов», не должен смотреть в глаза этой дамы. Отличный риторический прием, употребленный тогда, когда кажется, что внешне вещь как бы теряет свою красоту, внутри же становится поистине еще красивее. Новая любовная мысль не могла лучше убедить мой ум согласиться с ней и принять ее, чем она это сделала глубоким рассуждением о силе, таящейся в очах дамы.

VIII.

Когда было показано, как и почему рождается любовь и как боролись во мне противоречия, надлежит приступить к раскрытию смысла той части, в которой во мне борются различные помышления. Сначала следует сказать о том, что касается души, о прежней моей мысли, а потом уже о последней, приберегая главное на конец; ибо то, что говорится в заключение, лучше запечатлевается в уме слушателя. Итак, я собираюсь рассуждать скорее о том, что создается действием тех, к кому я обращаюсь, чем о том, что их действием разрушается, потому разумно сначала обсудить состояние стороны, которая распадалась, и лишь потом той, которая зарождалась.

Говоря по правде, здесь возникает сомнение, мимо которого нельзя пройти, не разъяснив его. Иной мог бы сказать: «Поскольку любовь есть действие тех разумных существ, к которым я обращаюсь, а первая любовь тоже любовь, как и последующая, почему же сила этих существ одну любовь разрушает, а другую порождает? Ведь прежде всего эта сила должна была бы спасти первую на том основании, что каждая причина любит свое следствие и, любя первую, спасает и вторую». На этот вопрос можно легко ответить; действие этих небесных созданий – любовь; а так как спасти любовь они могут только в тех существах, которые подчиняются их круговращению, то они переносят ее из области, которая им не подвластна, в ту, которая им